

25. Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2009. С. 13.
26. Мидовский А.С. Песнь жар-птицы: Рассказы о народных праздниках. М., 1987. С. 105.
27. Труды Саратовского областного музея краеведения (СОМК). В. 4. Саратов, 1996. С. 6.
28. Научный архив Саратовского областного музея краеведения. Оп. 1. Д. 14. Л. 14, 21, 23, 37.
29. Научный архив Саратовского областного музея краеведения. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.
30. Научный архив Саратовского областного музея краеведения. Оп. 1. Д. 68 Л. 34, 56, 70, 116, 157, 164–167.
31. Научный архив Саратовского областного музея краеведения. Оп. 1. Д. 120. Л. 209.
32. Рогов А.П. Мир русской души, или История русской народной культуры. М., 2003. С. 258.
33. Народная культура Поволжья. Ульяновск, 1999. С. 58.
34. Государственный Архив Саратовской области (ГАСО), Ф. 178, Оп. 1. Д. 416. Л. 6.
35. Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 1287. Оп. 12. Д. 1279. 48 Л. Л. 1.
36. Государственный Архив Саратовской области (ГАСО), Ф. 79. Оп. 1. Д. 354. Л. 12; Д. 785. Л. 6; Оп. 2. Д. 20. Л. 11; Д. 373. Л. 9.
37. Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 200. Оп. 1. ч. 1 Д. 4, 227 Л. Л. 39.
38. Горишная О.Г. Здравоохранение в Ставрополе // Малая музейная энциклопедия. Тольятти, 2006. С. 29–36.
39. Материалы о лечебницах для приходящих больных и больничных кассах при предприятиях, 1876–1916 гг.
40. Укке Ю.Б. Самара как место лечения. М., 1864. С. 3.
41. Казаков Б.И. Страницы летописи Саратова. Саратов, 1987. С. 96.
42. Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Общества вспомоществования нуждающимся литераторам. В. 1. Саратов, 1893. С. 205.
43. 150 лет Самарской губернии (цифры и факты). Статистический сборник. Самара, 2001. С. 167.
44. Административно-территориальное деление Самарской губернии. Справочник (1851–1928). Самара, 2011. С. 156.
45. Доклад Ставропольской уездной земской управы XXIV очередному Ставропольскому Уездному Земскому собранию, 1888. С. 38.
46. Доклад ревизионной комиссии XXXV очередному Ставропольскому Уездному Земскому собранию, 1898. С. 38, 58.

Статья публикуется при поддержке гранта Президента РФ МК-5966.2016.6.

HEALTH CULTURE OF THE CENTRAL VOLGA AREA POPULATION IN THE XIX CENTURY

© 2016

J.V. Korneeva, candidate of history sciences, associate professor of Tourism and Hotel Business Department
N.V. Makarova, candidate of history sciences, lecturer of Tourism and Hotel Business Department
Volga Region State University of Service, Togliatti (Russia)

Abstract. The following paper considers the health culture of the Central Volga area population in the 19th century and its influence on the region economy. The authors compare necessary medical assistance at the beginning and at the end of the century and using various sources including the archival ones come to the conclusion that the state didn't pay much attention to the organization of health care in the region economy at the beginning of the 19th century: lack of health culture which could include the necessary number of medical institutions, lack of professionally trained medical staff, rules and recommendations about a healthy lifestyle. However by the end of the century the situation had undergone positive changes – there were medical institutions with beds and rooms available enough for patients, there were charity societies with medical care for people in need; the state spent money to ensure personnel functioning and hospital equipment, as well as injections that were free for the population. At the end of the 19th century the health culture of the population became an integral part of Central Volga area economy and the country in general. It increased the standard of life as well as its quality.

Keywords: Central Volga area; health; doctor; sorcerer; plot; paramedic; culture of health; vaccination; territorial hospital; Stavropol; psychotherapy; volunteer medical societies; village; peasants; hospital collection; health care; state support; salary.

УДК: 94 (574)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАЗАХАМИ И КРЕСТЬЯНАМИ-ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2016

Д.Я. Фризен, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Актюбинский университет имени С. Баишева, Актюбе (Казахстан)

Аннотация. В статье рассматривается актуальная научная проблема, связанная с изучением адаптации российских крестьян-переселенцев в казахской степи и их взаимодействия с коренным населением. За последние 20 лет в казахстанской исторической науке не были выработаны качественно новые, концептуальные методологические подходы к оценке истории аграрной колонизации Казахстана в XIX – начале XX века. Возобладала

негативная оценка, когда ход и последствия аграрной колонизации осуждаются авторами, изображаются как процесс «русификации» казахов, «разрушающий» менталитет народа и его традиционный быт. Абсолютное большинство историков пишет в подобном духе и, соответственно, в данных условиях весьма сложно дать объективную оценку происходившим историческим событиям. Взаимоотношения между переселенцами и казахами развивались по мере увеличения темпов переселенческой политики царизма, когда в Казахстан в начале XX века прибыло более 1 млн. крестьян из разных российских губерний. В работе отмечается, что проблема аграрной колонизации Казахстана интенсивно обсуждалась в правительственных кругах. Переселенцы активно арендовали землю у казахов, затем появились переселенческие посёлки, начались трудовые контакты между крестьянами и казахами. В основном взаимоотношения между казахами и крестьянами-переселенцами носили мирный характер, а многие казахи стали учить русский язык и селились возле переселенческих посёлков.

Ключевые слова: казахи; крестьяне-переселенцы; аграрный вопрос; земледелие; скотоводство; торговля; Российская империя; Западный Казахстан; Тургайская область; Уральская область; аренда земли; XIX век; XX век; экспедиция по исследованию степных областей; Тургайско-Уральский переселенческий район; столыпинская аграрная реформа; кочевники; Оренбургская пограничная комиссия; Букеевская Орда; Мангышлакский уезд.

В истории Казахстана одной из актуальных проблем является исследование истории аграрных отношений в период переселенческой политики царизма. Это был довольно сложный период в истории казахского народа, когда происходил процесс перехода от традиционного скотоводческого хозяйства к оседлому образу жизни. Стал меняться и менталитет казахов, многие из которых выучили русский язык, поступали на российскую военную или гражданскую службу. Некоторые деятели казахской национальной интеллигенции понимали роль России в социально-экономическом развитии Казахстана. Например, такие известные казахские просветители, как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев, положительно оценивали процесс развития русско-казахских социально-экономических и культурных связей. Они говорили о положительном влиянии России на экономическое и культурное развитие Казахстана, призывали к укреплению этих отношений и дальнейшему их развитию.

После распада СССР в исторической науке Казахстана произошли существенные изменения, связанные с отходом от идеологии марксизма-ленинизма. Однако нельзя однозначно утверждать то, что эти изменения носили позитивный характер. Ряд диссертационных исследований был посвящен истории переселенческой политики царизма в Казахстане [1; 2; 3; 4; 5]. Ученые пытались переосмыслить процесс изучения переселенческой политики самодержавия с новых концептуальных позиций. Но перестройка исторической науки привела к тому, что прежние методологические основы стали разрушаться, а новые не были выработаны. Надо сказать, что до сих пор историческая наука Казахстана находится на распутье и еще не разработаны методологические подходы и принципы в отношении исследования истории переселенческой политики самодержавия в Казахстане. Вскоре после распада Советского Союза в исследованиях казахстанских ученых возобладала точка зрения о негативном влиянии аграрной политики России на развитие экономики Казахстана. Приводились доводы о том, что аграрная колонизация разрушала традиционный кочевой быт, приводила к «русификации» казахов и т.п. Естественно, что изображение объективной картины происходящих событий было затруднено в данных условиях. Поэтому в настоящей статье мы представляем историю и анализ взаимоотношения казахов и крестьян-переселенцев как важный фактор развития казахстанско-российского сотрудничества, который

способствовал социально-экономическому развитию региона.

Царизм осторожно подходил к вопросу о начале аграрной колонизации казахской степи. Этот процесс стал более эффективным после отмены крепостного права в России, когда часть крестьян, в надежде получить землю, отправлялась на окраины империи. Однако получить разрешение на переселение было довольно сложно, так как для этого требовалось согласие Министерства внутренних дел. В 1874 году Оренбургский генерал-губернатор отправил письма Уральскому и Тургайскому военным губернаторам рассмотреть вопрос о начале колонизации казахской степи и представить свои доводы. В ответ на запрос Тургайский военный губернатор отвечал: «В ответ на объявленное предложение имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что колонизацию в Тургайской области необходимо было бы начать на первых порах с разрешения селиться русским поданным в местах, предположенных для городов Актюбе, Урдабай, Тургай и Иргиз...». К тому времени в Тургайской области было немного переселенцев из российских губерний, и расселялись они в основном в городах и рядом с ними. Поэтому областной губернатор предлагал начинать колонизацию с заселения городов и пригородов, делая акцент на наличие здесь русского населения [6].

В свою очередь, Уральский военный губернатор докладывал Оренбургскому генерал-губернатору: «На предложение это имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что выработанные Сибирским Начальством о колонизации в степных областях Акмолинской и Семипалатинской правила, к Уральской области, по мнению моему, применимы быть не могут... по неизбежным затруднениям в общественном управлении и полицейском надзоре по неимению в степи органов областной администрации и ограниченному штату чинов уездных полицейских управлений» [6, л. 16]. Областное правление было обеспокоено отсутствием разветвленного бюрократического аппарата, что затрудняло, по мнению губернатора, контроль над огромной территорией. Помимо этого, Уральский военный губернатор отмечал: «Положительно невозможно с точностью сказать, где именно и в каких размерах могут быть отделены участки для поселений, чего в глубине степи вообще весьма мало, и для надобности киргизов хороших и удобных для хозяйства участков. И ближе к линии зимовые стойбища киргизов настолько уже многочисленны, что

сами киргизы чувствуют стеснение в пахотных и се-нокосных местах, через что возникают с каждым годом новые споры, тяжбы и жалобы по претензиям на право пользования тем или другим участком» [6, л. 16]. Постепенно многие казахи начали переселяться ближе к русским поселкам, которые располагались на севере области. Здесь были более плодородные земли и можно было заниматься земледелием, а также скотоводством. Поэтому в северных районах Уральской области была более высокой плотность населения и усиливалась борьба за землю. Следует отметить, что крестьяне-переселенцы селились, как правило, в северных районах Уральской и Тургайской областей, где земли были приспособлены для хлебопашества. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. Южные уезды Уральской области – Гурьевский и Темирский, а также Тургайской области – Иргизский и Тургайский были слабо заселены переселенцами. Что касается Мангышлака и Внутренней (Букевской) Орды, то эти районы переселенческое движение практически не затронуло. Здесь были засушливые, полупустынные районы, препятствовавшие развитию земледелия. Поэтому в эти районы крестьяне-переселенцы не стремились приезжать. Абсолютное большинство населения на Мангышлаке, во Внутренней Орде, южных районах Тургайской и Уральской областей составляли казахи.

Казахи долгое время занимались скотоводством и практически не имели представления о земледелии, особенно в Западном Казахстане. Поэтому их переход к оседлости происходил медленными темпами, набирая обороты по мере усиления переселенческой политики царизма. До 20-х годов XX века казахов часто именовали киргизами либо киргиз-кайсаками. Затем было проведено разделение в официальных источниках на собственно киргизов, коренных жителей Киргизии, и казахов. В отчете по управлению казахами, подчиненными Оренбургской пограничной комиссии, в 1841 году отмечалось: «Киргизы ведут жизнь лишь кочевую более по необходимости, нежели по действительной склонности. В глубине степи пастбища довольно часто столь скудны, что ордынцы со стадами своими не могут оставаться долго на одном месте не только летом, даже зимой, а потому они принуждены часто переходить несмотря на неудобство перекочевки в холодное и ненастное время... Если бы... киргизам было дозволено заводить приюты для зимы, то в короткое время многие из них обзавелись бы домами и сделались оседлыми» [7].

Первым крестьянам-переселенцам было довольно сложно устроить свой быт на новых, необжитых пространствах. К тому же климат в Западном Казахстане довольно суровый. Летом, как правило, сильная жара с сухим ветром, а зимой очень холодно и пронизывающие ветра. Приходилось в степи строить жилье, обрабатывать землю, заниматься разведением скота. К тому же из-за обширности региона переселенческие пункты могли располагаться весьма далеко друг от друга. Были также так называемые самовольные переселенцы, не получившие разрешения властей на переселение. Не имея права на получение наделов, они устраивались наемными работниками к зажиточным крестьянам. Они арендовали землю у казахов, но эти договоры считались незаконными и не утверждались

в областном правлении. Тем не менее самовольные переселенцы приезжали в Казахстан и пытались создать свое хозяйство [8, с. 49]. Кустанайский уездный начальник докладывал Тургайскому военному губернатору 15 февраля 1904 года: «... многие киргизы Кинь-Аральской волости уступили часть своей земли для самовольных переселенцев Белоярского поселка под хлебопашество, чем и дают возможность этим переселенцам укрепиться там и на дальнейшее время и вселяют в них, таким образом, уверенность в полной невозможности выдворения их из самовольно занятых мест» [9].

В отдельных случаях крестьяне-переселенцы обращались к местным властям с просьбой о содействии в аренде земли у казахов. Крестьяне Кустанайского уезда писали Тургайскому губернатору в августе 1900 года: «Доверенных от крестьян, проживающих на заимке Каменской в № 3 ауле Кинь-Аральской волости Кустанайского уезда Федора Сидоренко и Ивана Таскаева» согласно частных письменных и словесных сделок нами и доверителями нашими в числе 209 семей, что была заарендована земля под усадьбы и хлебопашества у киргиз № 3 аула Кинь-Аральской волости, где мы до сего времени согласно их разрешения устроились оседло и произвели посевы хлеба, затратив на это все свои материальные средства. Ныне киргизы в сдаче земли нам отказывают. Находясь в безвыходном положении, совершенно без гроша и вдали от Родины, мы приемлем почтительно просить Ваше Превосходительство, не найдете ли Вы возможность предложить киргизам № 3 аула Кинь-Аральской волости сдать нам в аренду землю, или же уже внести занятую нами землю в переселенческий участок, чем избавите нас от экономического разорения» [9, л. 196]. Однако областное правление ужесточило требования к аренде земли. Так, за допущение переселенцев на Усакскую дачу казахи Кинь-Аральской волости 3 аула Ержан Кушакбаев, Айтбек Саутов и Куржумбай Туляков были оштрафованы на 5 рублей каждый [10].

Аренда земли получала все большее распространение в Западном Казахстане. Многие переселенцы видели в этом способ прочного оседания и создания своего хозяйства. В 1885 году крестьяне Самарской губернии Иван Солодов и Трофим Гусев арендовали у казахов Кустанайского уезда 6000 десятин земли по 7 копеек в год за десятину [10, л. 103]. После того как некоторым крестьянам удавалось более или менее укрепиться на земле и развести хозяйство, зачастую в этот район переселялись их родственники или односельчане, создавая таким образом крупные поселения. Число таких переселенческих поселков постепенно возрастало.

К концу XIX века вопрос об аграрной колонизации казахских земель становился все более актуальным, поскольку возрастало число переселенцев, в том числе не имевших разрешения на переселение. Министерство внутренних дел в 1889 году рекомендовало начать заселение Тургайской области в 11 переселенческих пунктах, которые будут выбраны уездными начальниками, но эти земли должны были быть свободны от зимовых стойбищ казахов. В случае занятия зимовок казахам должны быть выделены другие земли [11]. Властям было трудно бороться с самоволь-

ными переселенцами. Министерство внутренних дел предписало Тургайскому военному губернатору 20 июля 1892 года прекратить переселение на новые земли крестьян, которые не смогут представить доказательств устройства на новых землях и у которых нет установленного разрешения [11, л. 115]. Большинство переселенцев призвали на новые земли и создавали хозяйство за свой счет. Министр внутренних дел И.Н. Дурново в 1890 году писал Тургайскому военному губернатору: «Ввиду дошедших до Министерства внутренних дел сведений, что некоторые земские начальники обнадеживают лиц, переселяющихся с надлежащего разрешения в возможности получения различного рода пособий по прибытии на места жительства, считаю необходимым поручить Вам разъяснить подведомственным Вам должностным лицам и учреждениям, что на основании закона 18 июля 1889 года, переселение на казенные земли лиц сельского состояния и мещан производится исключительно на собственный их счет без всякого пособия со стороны казны» [11, л. 115].

Аграрный вопрос был достаточно острым не только в Западном Казахстане, но и в других регионах Российской империи. Получив личную свободу в 1861 году, но не получив землю, многие крестьяне становились безземельными и малоземельными. Средств на выкуп земельных наделов большинство крестьянских семей не имело, что подталкивало их к переселению на окраины империи, где, как считалось, свободных участков было много. Мухаммед Салих Ходжа Бабаджанов отмечал: «Бесполезность для населения наших земель происходит, кажется, оттого, что в иных местах земли слишком мало и дорого... поэтому колонизация пустынных мест, расселение густых населений были бы одним из средств для упрощения благосостояния русского народа» [12, с. 68–69].

Постепенный переход казахов к оседлости затронул также и представления кочевников о землеустройстве. Изменялась ментальность казахов, что выразилось и в усилении частнособственнических настроений. Следует отметить, что в традиционном кочевом обществе казахов каждый род имел свои сезонные пастбища. Распределение пастбищ происходило на съездах старшин родов. Высшим распорядителем пастбищ был хан, который также принимал участие в распределении пастбищ между родами. При этом род кочевал на обозначенных пастбищах, но эти земли не предоставлялись в частную собственность, а только в пользование. Такая система существовала веками, но с началом переселенческой политики и переходом к оседлости казахов представления о землеустройстве стали меняться. Оседлые казахи, которые обустраивались на одном месте, нуждались в наличии земельного участка именно в собственности, поскольку при оседлом образе жизни невозможно постоянно получать землю в разных районах. Земельные участки нужны были в месте постоянного проживания. Это касалось и крестьян-переселенцев, нуждающихся в получении земли по месту постоянного проживания. При кочевании скотоводы постоянно перемещались с места на место, и в этих условиях представления о частной собственности на конкретные наделы не были распространены в обществе. Но с переходом кочевников к оседлости ситуация стала меняться. Даже

в современном казахстанском обществе вопрос о передаче земли в частную собственность зачастую негативно воспринимается некоторыми гражданами. По их мнению, землю нельзя отдавать в собственность, в особенности иностранцам. В понимании определенной части общества земля есть народное достояние, имеющее сакральную ценность, и ее нельзя отдавать в частные руки. Вероятно, здесь также прослеживается связь с историей, когда в течение долгого времени земля считалась собственностью всего рода или племени, а не отдельных лиц.

Многие переселенцы по прибытии в Западный Казахстан стремились тесно сотрудничать с ранее прибывшими крестьянами, нанимались на работу к ним, постепенно создавали свое хозяйство. Крестьяне села Рубановка Мелитопольского уезда Таврической губернии Матвей Тимошевский и Григорий Шевченко обратились к Тургайскому вице-губернатору 21 мая 1900 года с просьбой о переселении или причислении к старожилам, где можно было бы вести хозяйство, которое, по их словам, они умели вести образцово. Пользовались сельхозмашинами, знали разные ремесла – кузнечное, портняжное, колесное, сапожное и др. Могли заниматься садоводством и огородничеством, а также почти все были грамотными [13].

Отмечались случаи, когда казахи, первоначально сдававшие землю в аренду переселенцам, затем отказывались заключать новые арендные договоры. Борьба за землю обострялась по мере увеличения числа переселенцев, так как многие плодородные земли оказались занятыми. Тургайский военный губернатор докладывал Министру земледелия и государственных имуществ 30 сентября 1897 года: «При обозрении мною в истекающем месяце области, между прочим, замечено, что неустройство в земельном отношении русских поселков, водворившихся в Тургайской области на арендованных у киргизов земле в Кустанайском уезде, вызывает постоянные споры и столкновения между русскими и киргизами. Последние отказывают живущим в возобновлении арендных договоров на землю...» [14]. Согласно архивным источникам, переселенцы зачастую устраивались на работу в казахские хозяйства, косили сено, пасли скот, выполняли другую физическую работу. Чиновник Тургайского областного статистического комитета И. Катаринский писал о переселенцах Актюбинского уезда: «Средства на обзаведение можно приобрести на месте – заработками на конском заводе... и работой у киргизов. Кроме того, разведением скотины для сбыта в г. Оренбург. Вообще большинство поселенцев не выходят из долгов вследствие бывших три года сряду неурожаев. Они обычно берут на заводе хлеб под работу, тем дешевет свой труд, и потому мало поправляются» [15]. В Тереклинской волости Актюбинского уезда в 1892 году, по договору с казахами, 6 русских переселенцев арендовали у казахов участок на 5 лет по 200 рублей в год. Наибольшее количество десятин в одном хозяйстве составляло 12, наименьшее 3 десятины [15, л. 11]. Как правило, арендаторы рассчитывались за пользование землей передачей владельцу участка (арендодателю) части полученного урожая, что оговаривалось в договоре. И. Катаринский писал о переселенцах Актюбинской волости: «Устроиться тут можно на 300 рублей, и заработать эти средства

можно на месте в один-два года, работой у киргизов сенокосением, уборкой хлеба и собственным земледелием. У Семёна Головатенкова ничего не было, когда он пришел сюда во второй раз – ни лошади, ни коровы, был один и то дареный петух, а теперь он имеет лошадь, корову, 10 овец, землянку, соху, борону. Есть у него хлеб. Все это приобретено здесь в два последних года работой у киргизов» [15, л. 19]. В газете «Уральский листок» отмечалась проблема землеустройства казахов: «Киргизы крайне стеснены правительством в земельных угодьях. Отбираются у соседних уездов участки сенокосные, пахотные, луговые, даже участки с жилищем, нередко по произвольной оценке администрации» [16].

В конце XIX века на территории Казахстана работала экспедиция по исследованию степных областей под руководством Ф.А. Щербины. Экспедиция отмечала, что многие земли в казахской степи могут быть изъяты из пользования кочевников и переданы в переселенческий фонд. Это привело к тому, что в годы столыпинской аграрной реформы, возросло число переселенцев, которые получали наделы из так называемых «излишков», изъятых по материалам работы различных земельных комиссий [17]. Местные власти стремились также выделять земли и казахскому населению, особенно тем, кто желал переходить к оседлости. Оренбургский генерал-губернатор писал Уездным начальникам 29 сентября 1889 года: «... внутренний быт киргизов сохраняется на основании народных обычаев, и как перекочевание составляет одну из самых существенных сторон народного быта киргизов и их обычаев, то очевидно, что прежнее право перекочевания сохраняется» [18]. Но в условиях переселенческой политики многие казахи стали переходить к оседлости. Нужно отметить, что в годы переселенческой политики царизма активизировалась торговля в Западном Казахстане, появились хлебные рынки, развивалась сельскохозяйственная промышленность, строились города. Изменялся облик региона, он становился более оседлым, экономически развитым.

Таким образом, взаимоотношения казахов с крестьянами-переселенцами происходили более активно на фоне увеличения темпов переселенческой политики царизма. По мере роста числа переселенцев участились трудовые контакты их с казахским населением. Арендные договоры между казахами и крестьянами-переселенцами стали одним из первых шагов в политике аграрной колонизации региона. С началом переселенческой политики царизма местные власти

начали предоставлять наделы переселенцам из государственного фонда. С этого момента процесс аграрной колонизации происходил более интенсивно. Западный Казахстан включался во всероссийский рынок, а кочевники постепенно переходили к оседлости. В данных условиях взаимоотношения между казахами и крестьянами-переселенцами стали более тесными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1994. 28 с.
2. Жумашева Г. Колониальная политика царизма в Мангышлаке (XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 25 с.
3. Сариева Р.Х. Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 33 с.
4. Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 30 с.
5. Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской Империи как источник по истории колонизации Казахстана XVIII – начала XX века: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2009. 39 с.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 84671. Л. 18.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 346. л. 28 об-29.
8. Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1950. 102 с.
9. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2693. Л. 117.
10. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3551. Л. 4.
11. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3639. Л. 79.
12. Бабаджанов Мухаммед Салих Ходжа. Этнография казахов Букеевской Орды. Астана: «Алтын китап», 2007. 221 с.
13. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1498. Л. 44–44 об.
14. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1470. Л. 3.
15. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 об.
16. Местная хроника // Уральский листок, 1907. № 99. С. 3.
17. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2682. Л. 34.
18. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3436. Л. 18 об.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE KAZAKHS AND THE PEASANT-MIGRANTS OF WESTERN KAZAKHSTAN IN THE XIX – EARLY XX CENTURY

© 2016

D. Ya. Frizen, candidate of historical sciences, senior lecturer of Social Sciences and Humanities Department
Aktubinsk University named after S. Baishev, Aktobe (Kazakhstan)

Abstract. The relationships between Kazakhs and Russian peasants have evolved for a long time. Over the past 20 years, Kazakh historians were unable to find new methods of research on the agrarian colonization of Kazakhstan. Basically, agrarian colonization of Kazakhstan is considered as a negative process, as the Russification of the Kazakh people. The majority of Kazakh historians write in similar spirit, and hence it is quite difficult to give an objective assessment of the events. The article reveals the problem of adaptation of the Russian peasants in the Western Kazakhstan in the 19th and early 20th centuries. During the period of the Stolypin agrarian reform more than 1 million immigrants from various Russian provinces came to Kazakhstan. The tsarist government discussed the issue of agrarian colonization of Kazakhstan for a long time. The settlers began to rent the Kazakhs' land. Settlements of Russian peasants

appeared in the Kazakh steppes, and the Kazakhs began to settle near these villages. The relationship between the Kazakh population and the immigrants were peaceful. They worked together on the ground, sowed bread. Many Kazakhs began to learn the Russian language and were hired to work for Russian peasants. Labor contacts became more active. Western Kazakhstan was actively involved in the Russian market.

Keywords: Kazakhs; peasant-migrants; the agrarian question; agriculture; animal breeding; trade; Russian Empire; West Kazakhstan; Turgay region; Ural region; land lease; XIX century; XX century; steppe regions study expedition; Turgay-Ural colonization district; Stolypin agrarian reform; nomads; Orenburg border commission; Bukey horde; Mangyshlak district.

УДК 94+930(470+574)

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ИНКОРПОРАЦИИ МЛАДШЕГО ЖУЗА КАЗАХОВ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

© 2016

Г.Б. Избасарова, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории России XIX – начала XX века
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Аннотация. Младший жуз казахов, в силу внешне- и внутривосточных причин, первым вошел в состав Российской империи. Инициатором инкорпорации в состав Российской империи части казахского социума был чингизид Абулхаир. Обострение казахско-башкирских, казахско-калмыцких, казахско-джунгарских отношений приводит к поиску сильного союзника. В начале XVIII в., после Прутского похода, интересы Российской империи с черноморского направления были перемещены на азиатское, т.е. на юго-восточное. Становление имперской концепции, изменение в обществе понятия исторической миссии России на международной арене приводит к формированию новых стратегических и политических задач Российской империи. Основанная в 1724 году императором Петром I Академия наук и представители местных администраций стали пояснять русской общественности политику «приобретения новых земель». В статье изучается отражение данного события в русской историографии XVIII–XIX вв. Уделяется внимание изучению понятия подданства, трактовке его характера, оценке портрета казахского хана Абулхаира представителями дореволюционной историографии. В статье рассматриваются взгляды П.И. Рычкова, А.И. Левшина, которые в своих трудах впервые на основе архивных, аутентичных источников, собрав большой фактический материал, научно обосновали мнения по проблеме инкорпорации.

Ключевые слова: инкорпорация; историческая миссия России; империя; казахи Младшего жуза; дореволюционная историография; Оренбургский край; хан Абулхаир; П.И. Рычков; А.И. Левшин; И. Казанцев; И. Крафт; А. Добросмыслов; Петр I; внешняя угроза; внутривосточная борьба в Степи; Хива; миссия А. Тевкелева.

Под влиянием Петровских реформ в I половине XVIII в. наука становится важным элементом государственной политики. Усиление России на международной арене, определение ее нового направления внешней политики в сторону Азии, утверждение имперской концепции потребовали изучения истории, культуры, нрава, социально-экономических особенностей народов, обитавших в пределах империи.

Организация комплексных академических экспедиций, привлечение архивных, археологических, этнографических (анкетирование), лингвистических источников дала толчок превращению знаний о казахско-кочевниках в науку. Историография проблемы инкорпорации Младшего жуза казахов в состав России начала складываться с XVIII в.

Первые администраторы Оренбургского края заложили основу научного изучения истории, географии, быта, религии казахов. Они, являясь представителями высшей власти на окраине, пытались собрать материал о подведомственных народах окраины, искали ответы на злободневные вопросы. После инкорпорации Младшего казахского жуза и части Среднего жуза начинается научное и геополитическое обоснование данного процесса.

В данной статье рассматриваются взгляды представителей местной Оренбургской администрации, выразителей русской мысли XIX в. на процесс присоединения казахов Младшего жуза в состав империи.

Исследуются вопросы, как в русской историографии XVIII–XIX вв. рассматривались причины обращения казахской элиты в лице Абулхаира к принятию подданства, изучается освещение в дореволюционной историографии хода самого процесса, понятия характера подданства и описание политического портрета хана Абулхаира.

С именем П.И. Рычкова связана первая официальная история Оренбургского края. Его знаменитая «Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии Наук корреспондентом Петром Рычковым» (1762 г.), а также «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии» (1759 г.) были первыми научными трудами, где обстоятельно изучалась история и география региона. Немало страниц в этих работах посвящены и истории Младшего казахского жуза. «Обстоятельные и совершенно верные описания народов Оренбургского края были крайне необходимы для России», – писал автор. Биограф П.И. Рычкова академик П.П. Пекарский так оценивал первый труд: «Появление в свете «Топографии Оренбургской» было для своего времени событием заметным и в литературе, и в обществе. Из нее в первый раз узнаны были разные подробности о таком крае, который мало был известен не только большинству публики, но и самому правительству. Последнее, отправляя туда главных